

ТЕРЕМЯЗЕВА О. В.

ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННОЙ КОНТИНУУМ

РОМАНА Е. ЧЕТВЕРГОВА «ТЕСЭ ДЫ ТОСО» («ЗДЕСЬ И ТАМ»)

Аннотация. В статье исследуются пространственно-временные границы нарратива в эпистолярном романе Е. Четвергова «Тесэ ды Тосо», определяющие не только жанровую природу произведения, но и авторскую концепцию мира и человека.

Ключевые слова: эпистолярный роман, пространственно-временной континуум, хронотоп, мифопоэтика, концепция.

TEREMYAZEVA O. V.

SPACE-TIME CONTINUUM OF THE NOVEL

"HERE AND THERE" BY E. CHETVERGOV

Abstract. The article considers the space-time narrative boundaries of the epistolary novel "Here and There" by E. Chetvergov. They define not only the genre features of novel but also the author's conception of the world and man.

Keywords: epistolary novel, space-time continuum, chronotope, mythopoetics, conception.

Пространственно-временные отношения в художественном пространстве, определенные М. М. Бахтиным как «хронотоп», являются одной из составляющих эстетическое целое. Хронотоп, по утверждению ученого, «имеет существенное жанровое значение», им «определяются жанр, жанровые особенности ... и образ человека в литературе» [1]. Таким образом, осмысление пространственных и временных примет в литературном произведении подводит к объективному восприятию жанрово-стилевых характеристик текста и духовно-нравственной сущности характеров. Именно стремлением эксплицировать формально-содержательные признаки романа эрзянского писателя Нуянь Видяза (Е. Четвергова) «Тесэ ды Тосо» («Здесь и Там»), оценивать нравственно-этические позиции и принципы участников эпистолярного дискурса мотивировано наше обращение в данной статье к исследованию пространственно-временного континуума произведения.

По мысли М. М. Бахтина, «ведущим началом в хронотопе является время» [1], которое в художественном контексте способно сгущаться, уплотняться, становится художественно-зримым. Рассмотрим категорию времени и формы ее реализации в анализируемом романе. Литературовед С. В. Шеянова утверждает, что «художественное время в романе Е. Четвергова «Здесь и Там» сложное, предстает как переплетение основного (настоящего) времени (времени переписки – с января 1999 по январь 2003 года), прошедшего, реанимируемого с помощью воспоминаний героев, и вневременного [5, с. 36].

Наиболее широкий временной пласт – прошлое. Оно заминает несколько десятилетий. Воспоминания о прошлом Вяны и Валдая эмоциональны, лиричны и драматичны одновременно. Лирическую струю приносят искренние признания героев, откровения, ощущение молодости, полноты жизни. Вот как героиня вспоминает о весне, теплом лете: «Весной круглолицее солнце словно ласкает лицо Земли. Любила, помню, высоко запрокинув голову, наблюдать за полетом птиц, пока они не скроются в синеве небес. Через какое-то время они вновь выныривали из нее, приветствуя окружающее своей песней... В жаркий летний день любила лежать на спине и долго смотреть в успокаивающую сердце небесную тишь. Растянешься, бывало, на зеленой траве, положишь руку под голову, уткнешься в синеву, будто сама растворяешься в ней...» [2, с. 8] (Перевод здесь и далее подстрочный. – *О. Т.*). Трагизм воспоминаний заключается в том, что они не бесконечны, героиня словно просыпается ото сна и осознает свое положение – вернуть прошлое невозможно.

Из воспоминаний героев читатель узнает историю их взаимоотношений. Много лет назад молодые Вяна и Валдай были влюблены друг в друга, встречались, делились своими впечатлениями. Однако они не смогли создать семью, хоть всю жизнь жили воспоминаниями о нежных отношениях молодости. Вот как Валдай вспоминает события сорокалетней давности: «Сегодня, Вяна, у нас день скорби: сорок один год со дня нашей разлуки. Целая жизнь! Словно несколько минут. Не верится! Словно вчера все было. Вспомню – детали перед глазами встают... О расставании не было сказано ни слова. Верили, придет завтрашний день, потом следующий, так и будем встречаться на этом месте. «До завтра», – сказала ты улыбаясь и быстро встала. До завтра... Нет, не дождались мы завтра, не пришло оно...» [2, с. 21-22]. Прошлое для героя – настоящее. В его памяти живы образы, детали, эмоции. Подобные реминисценции из прошлого позволяют раскрыть психологическое состояние героя, его духовный потенциал, подводят читателя к осмыслению глубоких онтологических и философских проблем о времени, о том, что человек неволен управлять им.

У каждого из героев романа – своя жизненная дорога. Судьба жестоко наказала Вяну за содеянное ею «преступление» – убийство нерожденного ребенка, лишила ее радости материнства, отобрала самых близких и родных людей. Трагизм ее положения в том, что ненадолго одарив ролью матери, дав возможность привыкнуть к чужому ребенку как к родному, судьба лишает ее всего. Женщина остается одна, даже умирает она в одиночестве на скамейке у подъезда. Из писем-монологов Вяны становится ясно, что она осознает свой поступок, искренне раскаивается, «герои романа приходят к непреложным ценностям и абсолютной истине, однако изменить в своей жизни они уже ничего не могут...

Антропоцентрическая модель мира Е. Четвергова основана на идее фатализма... Однако писатель не снимает ответственности и с самого человека – духовное бытие человека обусловлено его деяниями и интенциями на протяжении земного существования» [4, с. 133]. Виана не перекладывает ответственность за свои беды на другого. Очень часто она, а вместе с ней и читатель, задаются вопросом: Как сложилась бы ее жизнь, не убий она своего ребенка, не послушай советов мачехи, не побойся пересудов и сплетен? Письма героини заставляют задуматься о выбранных каждым нравственно-этических принципах.

В эпистолярном пространстве романа воссоздается весь жизненный путь Вианы. Автор представляет характер динамичный, развивающийся не только в земной жизни, но и в загробном, потустороннем мире. Динамизм образа проявляется в хронологичности воспоминаний, эмоциях, обращениях. Героиня свидетельствует о нахождении умерших душ сначала в мире Подземном, потом – Небесном. Какое время затрачивается на это, неизвестно, так как в этих мирах нет временных признаков и процессуальности. В одном из писем из Небесного мира она говорит, что отсюда разрешено отправлять лишь одно письмо в десять лет. Таким образом, правомерно говорить об условном времени, в котором героиня продолжает «вечное» существование.

В настоящем представлено лишь начало романа, являющееся своеобразным прологом. Автор-повествователь сообщает читателю историю создания произведения, уверяет в подлинности описываемых далее событий – он сам получал письма от давно умершей возлюбленной. Настоящее в нарративе романа – незначительный пласт, оно не играет значимой сюжетобразующей роли, справедливо определить его функции как связующего реальное прошлое и условное вневременное.

Триада «прошлое – настоящее – вневременное» свойственно мифологическому мышлению, в структуре романа она, на наш взгляд, способствует воссозданию и сакрализации автором этномифологических констант и библейских мотивов. В традициях мифопоэтики представлены описания Загробного мира. В Небесном мире прослеживается временная статичность, в Подземном – нечеткие признаки смены времени («ночь сменяет день, ...темноту ночи тусклый свет»), однако невозможно определить, «когда, во сколько рассветает и темнеет», нет календарной цикличности («В мире живых приходит весна, потом лето, за ним, играя желто-коричневыми красками, осень. В нашем мире ничего не меняется...» [2, с. 8]). Подобные описания позволяют свидетельствовать о манифестации автором мифологического модуса времени, который противопоставляется объективному времени. Таким образом категория времени в романе «Здесь и Там», проецирующая мифологическое и библейское сознание, подводит к размышлениям о характерных для произведения признаках романа-мифа. Данная жанровая форма эпоса не характерна для

мордовской литературы, основанной на традициях реализма. Е. Четвергов вводит в национальное слово новое романное мышление, фундаментальным в котором осознается мифопоэтика.

Пространство в художественном тексте, по утверждению М. М. Бахтина, «интенсифицируется, втягивается в движение времени, сюжета, истории» [1]. Правомерно говорить о сюжетобразующей функции категории пространства, что прослеживается и в анализируемом нами романе. «Пространственные параметры романа «Здесь и Там», – пишет С. В. Шеянова, – определить достаточно сложно, проблема сводится к оригинальности художественной картины мира, представляющей собой сочетание разных миров, разных сознаний и миропорядков. С одной стороны, пространство сводится к «микросреде» ..., с другой, перед читателем – два мира: в письмах Валдая – реальный (Земной мир) и условно-мистический, непознанный, неизведанный (Загробный мир) – в посланиях Вяяны. Пространство романа, таким образом, двупланово: картины реальной действительности чередуются со сценами мистического загробного мира» [5, с. 36].

Описания Загробного (Подземного и Небесного) мира основано, на наш взгляд, на опыте Ветхого завета и мифологическом мотиве о бессмертии души и ее трансплантации в иное состояние. Экспозиции условно-мистического мира вызывают противоречивые эмоции: они поражают воображение информацией о неизведанном и одновременно пугают неестественностью состояний. Вот монтаж описаний Подземного мира: «В Подземном мире мертвых небо черное как земля, ... здесь не бывает дождя и снега. Откуда им взяться, если небо каменное? Место сухое. Не холодно... Здесь растут деревья – редкие, маленькие... Стволы, листья, ветви – темно-красные как кровь. Птиц на деревьях не увидишь, их пения не услышишь...» [2, с. 10]. Описания скудной природы напоминают сцены из утопических и фантастических текстов. Автор, безусловно, эпически широко распоряжается пространством, заявляет об индивидуальном способе восприятия действительности (удаленность от реалистического и обращенность к мифологическому, поэтико-метафорическому), позволяющем делать обобщающие выводы онтологического характера. Однако, на наш взгляд, подобные картины обрисованы пунктирно, нет концентрации, нанизывания деталей, впечатлений, Загробный мир максимально обобщенный, не индивидуализированный локус.

Вертикальная организация пространства в романе вызывает разнообразные антиномии и ассоциации: реальное / мистическое, земное / загробное, противоречивый мир действительности и умиротворенность, безконфликтность загробной жизни. Однако сам автор не создает оппозицию Земное / Загробное. Вяяна признается своему адресату, что и в мире мертвых сохраняются социальная иерархия, несправедливость и иные пороки

общества. Таким образом, Загробный мир – своеобразное воплощение Земного, что в очередной раз приводит к трактовке романа как реалистического произведения.

В целом, переживание реального и мифологического пространств придает повествованию размах бесконечности, определяет основные этапы становления характера героев, уровень их духовного развития. Таким образом, хропотоп, как утверждал М. М. Бахтин, является содержательной категорией – определяет образ человека, явившегося объектом художественного исследования.

Пространственно-временные модули в структуре эпистолярного романа Е. Четвергова «Здесь и Там» обуславливают жанровую природу произведения, контаминирующего в своей основе признаки нескольких романских форм – психологического, философского, романа-мифа, романа подведения итогов. В произведении реализуются противоположные модели мира: Земной и Загробный. Земное обрисовано по канонам реализма, автор актуализирует ряд проблем современного общества, представляет реалистическое разрешение конфликтов и коллизий, сцены Загробного мира вызваны мифологическим сознанием и опытом Ветхого завета. В нарративе романа прослеживается трансформация временной атмосферы: реалистическое прошлое и настоящее перемежаются с мифологическим, условным, вневременным. Эмпирическая контаминация и трансформация пространственных и временных категорий привела к хорошему результату – «в контексте мордовской романистики роман «Здесь и Там» становится новаторским образцом в решении центральной проблемы романного жанра – проблемы личности, разрабатываемой как проблема сознания человека, его отношений с миром, структуры его личностной позиции» [3, с. 132]. Данная оценка свидетельствует об уникальности творческого дарования Е. Четвергова, оригинальности его индивидуально-авторской концепции мира и человека.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахтин М. М. Формы времени и хронотопа в романе // Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. – М.: Худ. лит., 1975. – С. 234–407.
2. Нуянь Видяз. Тесэ ды Тосо // Нуянь Видяз Тесэ ды Тосо: сермасо роман, келей евтнема ды евтнемат. – Саранск, 2013. – С. 3–180.
3. Шеянова С. В. Роман в письмах Е. Четвергова «Тесэ ды Тосо» («Здесь и Там»): трансформация эпистолярного жанра // Вестник научно-исследовательского института Гуманитарных наук при Правительстве РМ. – 2014. – № 1 (29). – С. 131–138.

4. Шеянова С. В. Современный мордовский роман: национальная идентичность и пути ее реализации // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Филология. Искусствоведение. – 2014. – Вып. 87. – С. 130–134.
5. Шеянова С. В. Современный мордовский роман (1980–2000-е гг.): типология, проблематика, поэтика: автореф. дис. ...д-ра филол. наук. – Саранск, 2014. – 42 с.